

зрения теоретика жанров. Но Кантемир избрал соответствующий жанр — сатиру, получившую законное признание в жанровой системе классицизма. Те сатирические элементы, которые, по мнению Ломоносова и Сумарокова, нарушали целостность проповеди Прокоповича, оказались вполне уместны в «низком» жанре стихотворной сатиры. Но не только эти элементы проявили свою жизнеспособность: как мы видели, «высокие» жанры классицизма (похвальное слово и ода) были связаны с ораторской прозой Прокоповича и идейно, и стилистически. Таким образом, процесс секуляризации жанра проповеди шел в двух основных направлениях: с одной стороны, развитие положительной политической программы, утверждение государственных и нравственных идеалов, с другой — критика, обличение существующих недостатков в общественной и частной жизни. В 1740—1750-е годы эти задачи четко разграничиваются между разными жанрами, по преимуществу стихотворными (ода и сатира). Традиционные прозаические жанры (проповедь, панегирик) оставались «высокими» и подвергались «очищению» за счет изгнания «низких» тем и слов. В связи с появлением и быстрым расцветом русской журналистики развиваются прозаические жанры, которые несколько нарушают строгую иерархию, предусмотренную теоретиками классицизма. Требование чистоты слога оставалось еще в силе, но не имело уже первостепенной роли, поэтому русские журналисты 1770—1780-х годов могли простить Феофану тот грех, который был так значителен в глазах Ломоносова и Сумарокова, и воспользоваться его опытом полемиста и сатирика.

Таким образом, ораторская проза Феофана Прокоповича представляла собой богатый и ценный источник для писателей русского классицизма, обращавшихся к самым разным жанрам, на протяжении нескольких десятилетий она оставалась живым явлением и участвовала в литературной борьбе последующих поколений.

---